

Д А Н И И Л

ГРАНИН

Она
И ВСЁ
ОСТАЛЬНОЕ

РОМАН О ЛЮБВИ И НЕ ТОЛЬКО

Даниил Гранин

**Она и всё остальное.
Роман о любви и не только**

«Центрполиграф»

2017

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Гранин Д. А.

Она и всё остальное. Роман о любви и не только / Д. А. Гранин —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07403-4

Магда Вернер и Антон Чагин встретились в Берлине. Давно отгремела Великая Отечественная, но болезненные воспоминания всё еще живы, судьбы, поломанные войной, не срослись, не зажили... Магда – плод мимолётной насильственной связи русского лейтенанта с её матерью. Его Величество Случай привёл к рождению нежеланного ребёнка... Ненавидеть русских – вот что должна была бы делать девушка, но жизнь решает по-своему, и в её судьбе появляется Антон... Любовь не знает границ, национальностей, времени, вспыхнув, горит не благодаря, а вопреки! Когда они молча сидели, взявшись за руки, этого было достаточно. Вселенские часы останавливались... Но! Она не хочет жить в России, он не хочет в Германии. Чем закончится этот роман? История любви очень разных людей, реальные исторические факты, разработки учёных, воспоминания о войне, блокаде неразрывно переплелись в новом произведении автора в одно неразделимое целое...

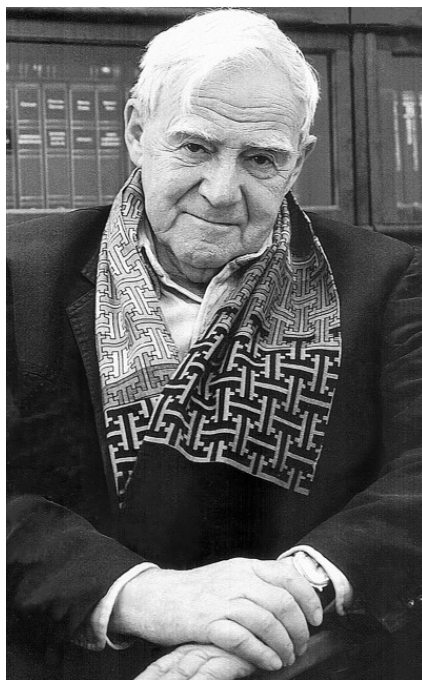
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07403-4

© Гранин Д. А., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Она и всё остальное	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Даниил Гранин
Она и всё остальное.
Роман о любви и не только

Она и всё остальное

Она
И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

Переговоры шли с трудом. Фирма «Сименс» имела опытных переговорщиков, они ловко доказывали разумность расценок, обосновывали сроки поставок. У Антона было лишь бычье упорство и симпатичная наивность новичка, если не считать хороший немецкий язык, из-за которого его и отправили в Берлин.

В конце тягостного заседания, третьего по счёту, Антона нежданно-негаданно пригласили в воскресенье на торжественный обед. Повод – какой-то юбилей фирмы, обед будет не в ресторане, а в особняке одного из владельцев филиала. Это было любопытно, поскольку на банкете будет присутствовать особа из семейства Ротшильдов и основатель филиала фирмы.

Подходящего костюма Антон не имел, подумав, нацепил большой значок Фарадеевского конгресса, там, в Англии, он участвовал в дискуссии «Электричество и прогресс». Выступил с успехом, и ему нацепили эту блямбу на ярко-синей подвеске.

Большой обеденный зал был украшен овальными портретами основателей знаменитой немецкой фирмы, появилась она в XIX веке и доросла до империи энергетики, несколько имён ему были знакомы – изобретатели, финансисты, все усатые, стоячие воротнички, уверенные схожие физиономии.

Нынешний народ был другим. Мужчины элегантные, высокие, чем-то напоминающие скаковых лошадей. Чёрные костюмы, бабочки, волосы, собранные в хвост. Нарядные благоухающие дамы, ослепительные улыбки, длинные платья... Все толпились возле маленькой толстенной старушки, седые её волосы были взбиты в пену. «Как на пивной кружке», – подумал Антон. Это была мадам Ротшильд. Его подвели к ней. Холодными коротенькими пальцами она коснулась его руки. На лице появилась обязательная улыбка, несколько милых фраз, порция небольшого интереса лично к нему и его значку, а затем, в качестве подарка, приглашение посетить завтра открытие выставки. Презентация винных этикеток, создание лучших европейских художников. Это её коллекция.

Удостоен... Ротшильды! Это вам не жук на палочке.

За столом он оказался между двух дам, справа – хорошенькая блондинка с роскошным бюстом. Слева – постарше – брюнетка, тяжёлая копна тёмных волос затеняла её лицо, он видел только её руки, не по-женски крупные, без маникюра. Почему-то всегда он обращал внимание на руки, они говорили ему больше лица, больше костюма и голоса, те всегда старались что-то изобразить.

Эмилия, так звали блондинку, стала выяснять, что у него был за разговор с госпожой Ротшильд. Ого, его пригласили – она сразу повернулась к нему всем корпусом – что у него за значок? Как ему здесь нравится? Ответы её мало интересовали, она продолжала сыпать вопросами дальше. Какие вина он любит? Если он хочет, она ему расскажет о тех, кто сидит напротив за столом. Антон вскоре устал от неё и обратился к соседке слева, спросил, не знает ли она, что значит выставка винных этикеток, выпить там можно? Попробовать дают? Соседка рассмеялась:

– Не надейтесь, там могут подарить лучшую этикетку, а чтобы поддать, вряд ли. – «Поддать» она произнесла по-русски, с легким акцентом.

– Откуда у вас такое произношение?

– Из школы.

– Разве там учат «подавать»?

– Нет, это уже ваша великая литература.

Разговорились. Её звали Магда. Взглянул на карточку: «Магда Вернер».

Вдруг его осенило.

– Это вас специально посадили ко мне?

– Конечно. Развлекать.

Антон насторожился, но улыбнулся:

– С заданием?

Она чуть хмыкнула и не ответила.

– Вы от фирмы? – настаивал он.

– Отчасти.

– Я-то думал, что вы для украшения стола, а вы, значит, по службе, напоить и вывести.

– Пока что вы выводите. – Она откинула волосы и оказалась куда моложе, чем он думал. Положила спаржу ему и себе.

Официант налил ей вино, Антон попросил коньяк. Магда поинтересовалась: доволен ли он переговорами, есть ли у него пожелания? Пока что ему приходится трудно, признался он, не хватает опыта. Она спросила, пойдёт ли он завтра на презентацию, он пожал плечами:

– Зачем?

– А зря, вам полезно повращаться.

– Среди этикеток?

– На таких сборищах все становятся этикетками.

После обеда всех пригласили спуститься в сад, там угощали кофе, мороженым.

Палые листья шуршали у них под ногами. Стоял запах осени, ещё беспечальный, ещё хватало зелени на кустах.

К ним подошёл хозяин дома, член дирекции филиала, похвалил Антона за его выступление на Фарадеевском конгрессе.

– Ого, вы знаменитость, – сказала Магда, спросила, что он там наговорил на конгрессе.

Господи, зачем ей эта скукота, может, нам лучше пофлиртовать? Она предложила пофлиртовать, если он свободен.

– А чего время терять, вы же не ухаживаете.

– Попробую.

Так они «фехтовали». Ему удавалось уклоняться вежливо, терпеливо, кажется, она это оценила. Кратко сообщала ему, кто есть кто за этим столом. Женщины, жёны, дочери...

В саду хозяева любезно пообщались с Антоном и оставили его наедине с Магдой. Она предложила поехать в город на выставку. Выставка архитектурных проектов

Альберта Шпеера. Это сенсация. Друг Гитлера, министр вооружения гитлеровской Германии, он теперь показан как талантливейший архитектор Третьего рейха, создатель проекта «Столица мира». Жалко, если Антон упустит такую возможность. Он согласился. О Шпеере он когда-то слышал. Подсудимый Нюрнбергского процесса. Его почему-то не повесили вместе с главными гитлеровскими заправками. История Второй мировой войны в своё время привлекла Антона личностями её полководцев – Черчилля, де Голля, Эйзенхауэра, Жукова. Он даже читал отрывки их воспоминаний и этого Шпеера, где он описывал Гитлера.

По дороге Магда упоённо рассказывала ему про достижения Шпеера. В молодости Гитлер мечтал стать архитектором. Не получилось. Молодой Шпеер, талантливый архитектор, полюбился ему. Таким фюрер мог быть сам, если бы... Но Магду занимал сам Шпеер. Как он осуществлял себя. Создатель новой столицы Германии, да что там Германии – Империи, задуманной фюрером.

Она пишет очерк о Шпеере. Не только о его проектах, главное – о человеке, который пошёл на сделку с дьяволом. Вынудил к этому его талант. Талант, призвание – они беспощадны. Они не считаются ни с честью, ни с совестью, ради них Шпеер продал свою душу.

«Всё же у каждого человека, – думал Антон, – есть кроме обязательного ещё и заповедное».

На выставке было полно и знатоков, и просто любопытных. Недавно вышли мемуары Шпеера, они сразу стали бестселлером. Шпеер в тюрьме тайком вёл свой дневник, вёл все двадцать лет. Рассказывал прежде всего про Гитлера как своего покровителя. Не скрывал восхищения, ужасался этому и продолжал свои свидетельства об исключительности этого человека.

Выставленные гипсовые макеты составляли целый город, квартал за кварталом. Антон двигался за Магдой сквозь этот призрачнобелый памятник. Эскизы и модели обретали каменную плоть, вырастали, подавляя грандиозный мегаполис. Они подавляли Антона, в них была жёсткость геометрии, торжество размеров над ничтожностью человека.

Это был замысел гитлеровского безумия. Магда видела другое – величественные ансамбли, безупречные пропорции, свидетельство мощи Третьего рейха.

Шпеер не даром продал себя, считала Магда. От всей эпохи нацизма в истории, наверное, уцелеют Гитлер и Шпеер.

– Гитлер – это точно, – соглашался Антон.

– Почему вы так считаете?

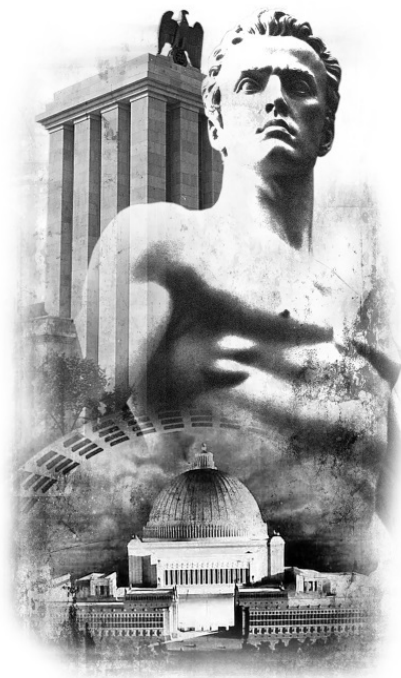
– Люди такого масштаба хорошо сохраняются в истории. Нерон, Савонарола, Герострат, Сталин, Малюта Скуратов – память о них куда прочнее, чем о тех, кто облагодетельствовал человечество, как Пастер или Фарадей.

Магда познакомила Антона с одним из организаторов выставки: «Господин Краузе, наш замечательный историк». Седой высокий старик настороженно спросил, как гостю нравится выставка. Антон сказал, что она весьма интересна. Во всех затруднительных случаях он пользовался этой фразой. Господин Краузе обрадовался. Он, вернее, они хотели показать, что во времена нацизма были художники достаточно самостоятельные, и нельзя замалчивать их творчество.

– Господин Краузе был лично знаком со Шпеером, – пояснила Магда.

– Да, мне повезло.

Грандиозность проекта «Столица мира» не восхищала Антона, он никак не мог представить себя стоящим перед этими гранитными громадами, они казались ему бесчеловечными. Краузе твердил, что эти проекты должны были превзойти всё, что до сих пор сооружало человечество. Начиная от египетских пирамид и библейского Иерихона вплоть до американских небоскрёбов. Война не остановила строительство. Шпеер успел реализовать кое-какие свои замыслы, этот город был мечтой фюрера. Вот и портрет Шпеера рядом с Гитлером, а вот они втроём на прогулке: Гитлер, Геринг и Шпеер. Тут фюрер и он – оба склонились над листами эскизов – трогательная пара.

Краузе рассказал, как Гитлер когда-то пытался стать архитектором.

– Все они вначале хотят быть другими, – напоминала Магда. – Геббельс – несостоявшийся писатель, Черчилль – несостоявшийся художник, Сталин – несостоявшийся поэт, Гиммлер увлекался агрономией.

Магда, перечисляя одного за другим правителей XX века, заключила: «У каждого из них в глубине души томилось несостоявшееся. Как ни странно, всех их можно считать неудачниками, хотя они не допускали мысли об этом».

– Несчастливая любовь фюрера, – продолжал Краузе, – наверное, единственное человеческое, что оставалось в нём.

У Антона было правило – не прерывать собеседника, дать ему выговориться. Краузе говорил увлечённо, пытаясь убедить Антона в своей правоте.

– Да, Гитлер был никаким архитектором, зато он вызвал из небытия талант Шпеера. Вы согласны?

Антон наморщил лоб, смягчая свой ответ:

– Я бы не хотел жить в таком городе. Слава богу, что «Столица мира» не состоялась.

– А мне жаль! – воскликнул Краузе. – Боюсь, что вы перечёркиваете всё, что связано с Гитлером. По-вашему, он не был способен ни на что хорошее. Но архитектура существует вне политики.

– Гитлер – это не политика, это несчастье Германии.

Краузе задумчиво посмотрел на него:

– По-вашему, Мефистофель не может делать добро?

Ответил Антон не сразу, это был хороший вопрос.

– Вы знаете, если положительное число умножить всего лишь на минус единицу, то число станет отрицательным, любое число. Мефистофель – это минус единица.

Когда они выбрались на улицу, уже стемнело. Фонари ещё не зажигались. Светила реклама, витрины. Они свернули с бульвара в кварталы Старого города. Нормальные дома прежних веков. Маленькие кафе. Террасы. Цветы на балконах. Уютные лавочки. Магда

выбрала ирландский бар, где её знала хозяйка. Сели за столик у камина, украшенного бронзовыми грифонами.

Уселись друг против друга, и Магда стала его допрашивать о выставке. Её влекла загадка Шпеера. Для неё он был самым любопытным объектом среди гитлеровских заправил. Талантливый архитектор, потомственный интеллигент, образованный, то, что он купился на заказ колоссального размаха, – понятно, но дальше... В течение двадцати лет тюрьмы не осознать, кому он служил, перед кем преклонялся. Вспоминал, вспоминал – и так и не признал свой грех. Вроде каялся, но не раскаялся. Она по памяти цитировала его дневники. Писал он для себя. Сокровенные размышления, наблюдения год за годом...

Одиннадцать месяцев шёл Нюрнбергский процесс. Перед Шпеером сложилась всемирная картина преступлений гитлеровских заправил. Во всех подробностях. Каждого из соумышленников Гитлера, в том числе и Шпеера. Шпеер был единственным, кто в заключительном слове не уклонился, взял на себя ответственность за то, что творила власть нацистов. Было ли это раскаянием? Магда не могла понять. Другие преступники не признали своей вины, а он признал. Но ни в его дневниках, ни в книге воспоминаний раскаяние не продолжилось. Куда оно делось?

Возможно, это было сделано по совету защитника, ради спасения от виселицы, предположил Антон.

Постепенно его заинтересовал этот Шпеер. Вернее, не столько он, сколько вопросы, которые так мучили Магду. С чего это так её волнует? Только ли как автора будущей книги? Природа злодейства? Зависть? Тщеславие?

Он перебил свои размышления, вдруг вспомнив, как его мать страдала от того, что не стала певицей. У неё был хороший голос, если бы поставить его, ради этого, говорила она, пошла бы на всё. Сделала бы аборт, он, Антон, не появился бы...

Мы не знаем, за счёт чего мы получаем жизнь. Большей частью не бесплатно...

Он не сразу заметил, как Магда перешла на «ты». Это выглядело естественно, так было легче общаться. Или довериться. Грубоватые черты её смягчились, она помолодела, шмыгала носом, по-детски утираясь рукой.

Она уговорила его прочитать хотя бы выписки из книг Шпеера. Делала она их для своей работы, печатала на машинке.

В тот вечер позвала его к себе домой, вытащила большую папку, взяла с него слово, что он хотя бы малость, но прочтает. Назавтра позвонила, сказала, что договорилась с советским офицером охраны – им разрешат посетить тюрьму Шпандау, где когда-то сидел Шпеер. Единственный узник, который там остался, это Гесс – легендарная личность, самая таинственная фигура в истории Второй мировой войны.

В Шпандау их провели на верхний этаж, откуда был виден тюремный дворик. Советский офицер сказал, что свидания с Гессом запрещены. Гесс и сам не хотел никаких встреч, никому не давал интервью. Соблюдал тайну своего полёта в Англию в 1942 году в разгар войны. По дворику, заложив руки за спину, кружил ровным шагом сгорбленный старик в тюремной куртке. Антон долго стоял, пытаясь рассмотреть его, понять его странную судьбу. Это был первый и, наверное, последний настоящий фашист, которого он увидел. Живая история. Непонятная, наверное, такой и останется навсегда. Он, Гесс, заберёт тайну с собой. Зачем? Никто из них, из главарей нацистской Германии, не осмелился защищать свой режим, то, во имя чего они воевали. Они принимали яд, кончали с собой, даже у Гитлера не хватило мужества отстаивать свою идею. Он трусливо сбежал в небытие.

«Воспоминания» и «Шпандау: Тайный дневник» Шпеера – две книги, написанные, возможно, самым близким Гитлеру человеком. Шпеера приговорили к двадцати годам тюрьмы. Сидел в одиночной камере, мог общаться с другими гитлеровскими преступниками, заключёнными в Шпандау. Газет им не давали, они были лишены и радио, и телевидения. Охрана

была международная – солдаты и офицеры союзных войск: англичане, американцы, французы и советские. Каким-то образом Шпеер исхитрился все эти годы вести подробный дневник. Вспоминал, как работал личным архитектором Гитлера. Как затем, в 1944 году, стал министром вооружения гитлеровской Германии. Память была у него отличная, помнил даты, фамилии, подробности своих разговоров с Гитлером и другими фашистскими вождями. Дружба с фюрером становилась всё более доверительной. Она не отражалась в документах, её нельзя было проверить, она убеждала лишь множеством подробностей, подтверждавших правдивость

Шпеера. Он не опускает и не смягчает своих дружеских чувств. В течение двадцати лет заключения Шпеер перебрал в памяти всё, что было, и ни разу не испытал ни возмущения, ни ужаса от того, что этот человек уничтожал миллионы своих солдат уже тогда, когда война шла к поражению, уничтожал десятки миллионов противников Третьего рейха в концлагерях. Ничто не мешало его дружбе с Гитлером. Знал ведь, как Гитлер воплощал расовую теорию нацизма, с какой жестокостью, неумолимостью налаживал систему истребления ни в чём не повинных людей. Для Шпеера куда важнее было признание его таланта архитектора, его энергии министра и того, что вся фашистская кодла завидует его близости к вождю. Молодой, энергичный, он и в министерской должности достигает многого – обеспечивает армию новым оружием, фау-снарядами, со всем пылом старается спасти Германию от поражения. Подземные заводы работают день и ночь, огромную армию военнопленных используют в беспощадном режиме, изготавливают не только оружие, изготавливают газовые камеры для уничтожения врагов рейха. Программа очищения арийской расы выполняется неукоснительно.

Антон всё больше поражало в откровениях Шпеера отсутствие какого-либо раскаяния. Ни разу в его размышлениях, в его дневнике не появляется слово «Бог».

Дядей Магды был Герхард Штейнберг, известный атомщик. Антон спросил Магду, можно ли повидать его. Она ответила, что он тяжело болеет, как он сам определил: «замазался» в Сухуми. Антон стал упрашивать. Спустя два дня Герхард их принял. Он ходил на костылях, бледные губы его еле шевелились, похоже, он не удивился расспросам Антона, был рад, что кому-то понадобился. Их там, в Сухуми, было несколько сотен, а может и тысячи, немецких специалистов. Кроме атомщиков были ещё и ракетчики. Русские без стеснения их тоже использовали. Учёные расплачивались за поражение Германии. Выкладывали секреты. Охотно помогали русским в разработке нового оружия. Получали за это ордена. Подумать только, гитлеровские специалисты!... «Знаешь, – сказал он Магде, – история человечества зависит не от вождей, она делается не в Кремле, не в Белом доме, на самом деле её изготавливают в лабораториях среди циклотронов и реторт. Любознательность одолевает идеологию».

Герхард рассказывал, полулёжа в кресле, прикрыв глаза. Он облучился, большую дозу схватил, смертельную.

На улице и позже вечером Антон иногда слышал его голос, бесцветный, доносившийся откуда-то издалека. Магда была уверена, что он принимал свою болезнь как Божью кару за работу над бомбой.

Справедлива ли такая кара, спрашивал себя Антон, рад ли Герхард как учёный, что всё же результат получен? Бомбу сделать им не удалось. В гитлеровской Германии не удалось – доделали её в России. Может быть, это удивляет его. Или удручает?

Странно получилось, сказала Магда, что этот Альберт Шпеер, любимец Гитлера, как бы сохранил немецких физиков для советской России.

Между прочим, американцы, вспомнил Антон, тоже захватили себе и Гейзенберга, и Лауэ, и прочих атомщиков. Вслух этого он не сказал. Сказал другое:

– И всё же мне кажется, что Гейзенберг и все вы не могли создавать... Гейзенберг – великий учёный, гений не может быть злодеем.

– Глупости, – сказал Штейнберг. – А почему же тогда и он, и все остальные стали охотно помогать американцам, уже в Штатах, доводить бомбу до ума? Американскую бомбу! И мы в Сухуми то же самое делали – помогали русским. У меня был разговор с академиком Зельдовичем. Этот хитрый еврей придумал себе оправдание: «Если мы сделаем бомбу одновременно с американцами, наступит паритет»... Но, может, это не его объяснение, скорее всего, это придумали советские дипломаты.

Ошибка немецких физиков, как всегда в подобных случаях, была настолько крупной и очевидной, что именно по этой причине не заметили её. Это потом они хватались за голову: её допустили при определении коэффициента поглощения нейтронов очищенным графитом. Это замедлило их работы примерно на два-три лишних года. Случайная ошибка? Выглядела она как Божий дар человечеству.

Антон выводила из себя его спокойная уверенность. Уверенность в чём? Скорей всего, в том, что иначе быть не могло, что появление атомного оружия было неизбежно (у тех, у других, у третьих – какая разница?), это был Рок. И ничья совесть, ничей гуманизм ничего не могли изменить. Он был твёрдо убеждён, что развитие физики неизбежно идёт по своим законам и личность мало что может. Он был неприятно самоуверен. Физики тогда считали себя вершителями судеб человечества.

За работу в Сухуми он был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Сейчас орден болтался у него на отвороте рыжей шерстяной куртки, нацепил его, видно, демонстративно, он не просто немец «из бывших». На пятнадцатой минуте Антон решился и спросил: кто были люди, которые могли работать над созданием немецкой бомбы, не мучаясь совестью, зная, для кого и чего они создают это страшное оружие. Позиция советских физиков на этот счёт была Антону недоступна. Никто из них не стал бы вообще отвечать на его вопросы.

Антон спросил Штейнберга, умышленно ли немцы-физики тормозили работы над бомбой. Он ответил со смешком:

– Все хотят, чтобы это был умысел, чтобы наша ошибка выглядела не совсем ошибкой, что мы просто стали тянуть, а ведь мы на самом деле прошляпили.

Кряхтя, он поднялся с кресла и заходил по кабинету.

– Ничего не могло бы кончиться иначе, – уверенно сказал Антон. – История неумолима.

– Бездоказательно. Уверяю вас, если б не эта ошибка, мы бы обогнали Америку, и не осталось бы на карте ни Англии, ни России.

– Вы в это верили?

– Безусловно.

– Вас это не останавливало?

– Нисколько.

– Как же так?

– Я уже плохо представляю, что я тогда думал, вернее всего, я ни о чём таком не думал. Когда итальянскому физику задали вопрос вроде вашего, он сказал: «Бомба была для меня интересной проблемой».

Антон молчал.

– Мы думали только о победе. Ведь ваши атомщики тоже думали об этом?

– Не знаю, – сказал Антон.

Однажды у него был разговор с Марком Корнфельдом. Марк в то время был уже на пенсии. Когда-то он работал у Курчатова. Числился одним из ведущих. Он разработал оригинальный метод разделения изотопов. Курчатов похвалил, но применять отказался. Взял другой метод. Почему – не стал объяснять. Вскоре Марк узнал – приказано было не рисковать, пользоваться американским методом. Марк обиделся и ушёл с объекта. Так вот, по его словам, никто из них тогда не думал: морально или аморально делать бомбу. Их охватил азарт гонок – «догнать и перегнать!».

Антон спросил, осуждал ли он Курчатова.

– Тогда – да, теперь – нет. Он избегал малейшего риска. Была изготовлена для испытаний на всякий случай ещё одна бомба.

Антону не хотелось выглядеть в этом разговоре учеником, которого вразумляют. Особенно перед Магдой, тем более что он считал себя в достаточной мере правым, они тогда видели советских атомщиков героями – они сумели, они противостояли американцам. А немецких физиков считали неудачниками, хотя их неудача была Божьей милостью. Это был его аргумент перед Штейнбергом, он ему так и сказал, что они должны были проиграть, ибо это было торжеством справедливости.

Штейнберг усмехнулся и угостил их каким-то грузинским вином из своих запасов. Он явно чувствовал себя победителем. На самом деле ему, конечно, было наплевать, кто побеждённый, кто победитель, он ткнул в орден Трудового Красного Знамени и засмеялся: «Гитлер меня ничем не наградил, а Сталин наградил, вот какой фокус-покус получился».

На обратном пути Антон спросил Магду:

– Тебе интересно было?

– Что ты, очень интересно. У каждого из вас своя правота, причём убедительная.

Антон сказал, что ему очень мешал сильный акцент Штейнберга. Как будто он, Антон, допрашивал пленного.

... Кроме того, он не хотел уступать ему Гейзенберга, верил, что Гейзенберг не собирался помогать нацистам, не хотел, не должен был хотеть передать им бомбу, честолюбие его было давно удовлетворено. Гейзенберг создал квантовую механику, и этого было достаточно, чтобы увековечить его имя. Но Гейзенберг – это вам не Шпеер, Шпееру нужно было признание, он во что бы то ни стало хотел воплотить свои градостроительные мечты, а Гейзенбергу нужно было понять, как устроен этот мир.

Шпеер, несомненно, был хорошим архитектором. Гейзенберг был великим физиком. Они оба по-разному служили нацистам. Крупных физиков, можно сказать, замечательных физиков-атомщиков было много: Лауэ, Вайцзеккер, Ардене, Отто Ганн, Густав Герц и другие. Значительная их часть эмигрировала. Они покидали свои институты, свои лаборатории, отказываясь от нацистской Германии. Но были и приверженцы гитлеровского режима. Среди них и лауреаты Нобелевской премии. У каждого из них своя история, своя победа, своё поражение.

Антону было жаль, что Шпеер обошёл в своих записках последнее своё свидание с Гитлером. Когда Советская армия уже подходила к Берлину, Шпеер покинул свои подземные заводы, до последнего он исполнял обязанности министра вооружений, покинул и примчался в Берлин попрощаться с фюрером. О чём они говорили? Отговаривал ли его от самоубийства? Склонял к бегству? Была у Гитлера такая возможность. Отчаянная, но была. Может, отдавал должное его мужеству, считал, что самоубийство – достойный конец этого великого человека. Шпеер не осуждает его самоубийства, не считает это бегством, крахом всех теорий о превосходстве немецкой, арийской расы. Не посмел фюрер остаться, явиться на суд народов, защищать свою идею. Не взойшёл на эшафот. Шпеер не восхищается этим поведением и не смеет осуждать. Он решил разделить участь соратников.

Шпеер в «тайном дневнике» всё время сообщает, что он не знал об убийствах евреев.

«Если бы я слушал [Гитлера] более внимательно, наблюдал более пристально, я бы, без- условно, понял, что он... оправдывал массовые убийства, совершённые по его приказам», «я действительно не знал об убийствах евреев».

Он едет в машине с Гитлером через триумфальные арки, увешанные антисемитскими лозунгами, никак не реагируя на них. Его вполне устраивали решения Гитлера об уничтожении миллионов евреев, и не только евреев. Ни отвращения, ни стыда, когда, сидя с Гитлером за обедами, слышит его фанатичные признания. «Ненависть к евреям была главным делом Гит-

лера, – пишет Шпеер. – Гитлер готов был поставить под угрозу свои планы завоевания мира ради своей мании к их истреблению».

Сидя в тюрьме, уже после Нюрнбергского процесса, Шпеер вспоминает «совместные поездки на автомобиле, пикники... его обаяние, заботу о семьях людей, его кажущаяся скромность». «Гитлера поддерживали идеализм, преданность таких людей, как я».

Это попытка объяснить, а не покаяние. Только теперь, на девятнадцатый год заточения в Шпандау, в 1965 году он обнаружил: «...с моих глаз упала пелена». И что же?

Он не осуждает себя, он лишь был очарован, а теперь он всего лишь прозрел и увидел, что у Гитлера были не только достоинства, но и недостатки. Себя, свою деятельность министром вооружения гитлеровской Германии он считает «организационными достижениями».

Понятно, почему Магду интересовала подробная психология. «Есть другой Гитлер», – пишет Шпеер, тот, которого он знал, а не тот, которого возненавидел мир и от отвращения к которому содрогались народы.

Бомбёжка погубила «шедевры» Шпеера-архитектора. Его создания превратились в развалины. От его мечтаний стать великим архитектором сохранились маленькие макеты.

Магда хочет дать таланту льготы Творца. Не судить по общим законам. Нельзя изображать Гитлера лишь злодеем, всё сложнее, была в нём и человечность, к примеру, она приводела дружбу со Шпеером, покровительство молодому таланту. Антона это возмущало, ничто не может оправдать нацизм, и тем более Гитлера, его вдохновителя.

– Пойми, миллионы людей придумывали ему наказание помучительнее, – говорил Антон. – Он ведь воплощал беспросветное зло, а ты ищешь ему какое-то снисхождение. Человечность? Он – создание адское.

Магда не прерывала его, не понимала его яростной ненависти.

– Как будто он твой личный враг. Прошло столько лет.

Антон хотел уступить ей и не мог. Он обрывал их споры шутками, поцелуями. Ему пришлось в голову, что даже Достоевский не сумел оправдать Раскольникова. Так и не добился от него раскаяния. Почему нельзя убить старуху ростовщицу ради того, чтобы помочь людям? Ни Евангелие, ни любовь не помогают Родиону Раскольникову раскаяться, осудить своё преступление. Конец романа не убеждает Антона. Автор, считал он, навязывал своему герою нравственное поражение.

– А может, это и входило в замысел романа? – возражала Магда. Возражала нерешительно. Достоевский был для неё одним из кумиров русской литературы, выше Чехова, выше Толстого.

В этом они тоже расходились. Антону нравилась её самостоятельность, их споры. С ней не было скучно, её несогласие не огорчало, чаще всего оно кончалось поцелуями.

Магду живо интересовала личность Сталина. Его Антон никогда не видел, биографию его знал по книжке, которую Сталин сам сочинял либо правил. Жизнь вёл закрытую. Никто, даже его соратники, толком не знали про его родителей. Мать его жила в Грузии, но он никогда не навещал её. Известно было, что он читает литературные журналы, смотрит кинофильмы, любит папиросы такой-то марки и грузинские вина. Неизвестно, были ли у него друзья, любовницы, ходил ли он в гости. Магда сравнивала его с Гитлером. Антону не нравилось такое сравнение. Магда удивлялась, о Гитлере он знал больше, чем о Сталине. Впрочем, однажды он вспомнил старую историю, которую при нём отец рассказывал на каком-то застолье у них дома.

После войны, когда началось «Ленинградское дело», отец ушёл из института, где был ректором, уехал в Москву, стал у приятеля работать, ставить камин на дачах. Хотел затеряться. Как-то послали его в Серебряный Бор ставить камин на даче Льва Шейнина. Личность примечательная, известный тогда писатель, сценарист, драматург. Неплохой у него фильм «Встреча на Эльбе», повсюду шли его пьесы, сделанные на детективном материале. Дело в том, что кроме литературы он был следователем по особым делам. Следователем высшего ранга. Это он про-

вёл процессы над Бухариным, над Каменевым, Зиновьевым. Ему доверяли эту работу органы, доверяли, самого сажали, освобождали, опять приручали. Его инструктировал сам Сталин по изготовлению наиболее сложных подсудимых. Процессы он готовил мастерски.

Камин был богато украшен, работа сложная, отца Шейнин поселил на даче, благо она пустовала. Была зима, отец готовил себе кашу, варил картошку, полагал, что он скрылся, исчез в тень Льва Шейнина.

После какой-то своей премьеры, уже поздно вечером, Шейнин приехал на дачу. Привёз вино, всякие деликатесы. Накрыли стол, принялись за ужин. Выпили. Закусили. Разговорились. Шейнин обычно про себя, про свои дела помалкивал, а тут разомлел, стал описывать отцу внутренности Рейхстага, его бункеры. Он там всё облазил. В войну отец, как и все солдаты, мечтал добраться до Берлина, до финала войны, финалом они считали Рейхстаг. Что-то ему надо было в этих развалинах, что-то он искал.

Шейнин рассказывает, как его вызвали к Сталину. Вождь принял его любезно, расспросил, как чувствует, что делает, затем сказал, что есть слух, что на самом деле в Рейхсканцелярии обнаружили труп не Гитлера, а его двойника. Считается, что после покушения охрана подобрала Гитлеру двойника. Он, Сталин, предлагает Шейнину отправиться в Берлин и выяснить, действительно ли Гитлер и его жена покончили с собой, попытаться добыть вещественные доказательства, мог ли он на самолёте или подводной лодке бежать из Германии. Сталин уверен, что товарищ Шейнин сумеет выполнить это поручение и будет покончено с этими вредными слухами от недобитых фашистов. Товарищ Шейнин выполнил сталинское поручение и окончательно уничтожил фюрера. Свидетелей опросил, добыл кое-какие останки.

Наутро они опохмелялись, и Лев Шейнин сказал, что пока не стоит об этом рассказывать. Видимо, Сталин досадовал, что упустили Гитлера.

* * *

Антон раздумывал над возражениями. Пушкинская формула «Гений и злодейство несовместны» для него была непреложна. Пусть Шпеер не гений, но всё равно, какая могла быть дружба с такой личностью, как Гитлер.

Шпеер до конца оставался верен фюреру. Он не считался с мнением генералов, тех, что обвиняли Гитлера в бездарных приказах и называли его виновником поражения. Шпеер ничего этого не хотел знать. Магде нравилась его верность: «Как у наполеоновских солдат». Когда Гитлер решил покончить с собой, Шпеер посетил его, чтобы попрощаться, сделал это с печалью и уважением к его предсмертному подвигу. Он до конца считал фюрера героем.

Антон сказал:

– Мой отец всегда досадовал, что фюрер ускользнул от возмездия, покончил с собой – сбежал, не посмел выступить перед судом, перед народами... Слушай, Магда, а кто твой отец, он воевал?

Магда ответила не сразу:

– Да, воевал. Наверное, воевал.

– Кем воевал?

Она продолжала смотреть на него.

– Он был красноармеец.

– Это как, не понимаю.

– Очень просто, – сказала Магда, – он изнасиловал мою мать.

Антон взял чашку, допил кофе.

– Изнасиловал? То есть как?

– Ты не знаешь, как насилуют?

– Он был солдат?

– Лейтенант...

– И что дальше?

– Его собирались судить, но он сбежал в английскую зону.

– И с тех пор о нём...

– И с тех пор я числюсь бастардом. Понятно?

Антон долго смотрел в пустую чашку, где лежал чёрный осадок.

– Чего тут не понять.

– А мне было не понятно.

– Что не понятно?

– Не понятно – кто я, жертва или наоборот.

– По-моему, ты наоборот.

Она его не поддержала.

– Нет, ты поясни, кто я, как ты считаешь? Я началась как несчастье, как нежеланный ребёнок.

– Это кто тебе сказал?

– Мама.

– Но она же не сделала аборт?

– Она боялась, что у неё больше не будет детей.

– Ну и слава богу.

– Я никогда не знала, хорошо это или плохо, что я родилась.

– Теперь об этом рассуждать глупо. Ты родилась, и радуйся, и благодари мать. Магда, а ведь я ничего о тебе не знаю, ты замужем, есть дети?

– Тебе это обязательно?

– Вот ты про меня многое знаешь, тебя снабдили сведениями, верно?

– Разумеется. И адрес, и зарплата, и что бывшая жена с дочкой уехали несколько лет назад, живут в Мюнхене, так?

Интересно, она ни разу не упоминала про мужа, обычно это означает: или развелись, или она не замужем. Родителей она упоминала – мать, дедушку, а вот слово «отец» она вообще избегает произносить. Беззамужних Антон всегда чувствовал, а вот насчёт детей...

– Не мучайся, – догадалась она, – я уже два года как погасила семейный очаг.

– Почему?

Она хмыкнула:

– Не угадаешь.

– Он храпел?

– Хуже – стал петь. Это было невыносимо, ни слуха, ни голоса. Достаточно?

– И всё?

– Он ненавидел русских. Он жалел, что не был на войне.

Антон ждал. Тогда она сказала:

– Он требовал, чтобы я проклинала русских. «Ублюдки, приматы, – твердил он, – насильники».

– А ты? Ты ведь тоже не любила нас.

– Я спрашивала его, как же они могли разгромить нас, немцев, если они приматы?

– Вы из-за этого разошлись?

– Он меня избил. Тогда я ушла.

Густой поток машин делал улицу узкой, шумной. Шум моторов, наверное, помог Антону, он даже подумал: «Скажу под шумок»... Не наклоняясь к Магде, не поворачивая головы, он сказал: «Ты мне нравишься».

Давно он не говорил ничего подобного, не было надобности, такое признание ставило бы его в зависимость, у него обычно всё образовывалось и без этого. Отношения с девицами не

требовали от них ответа, он прекрасно знал, когда уже достиг, и всё созрело. Наступал момент, когда она сама ждала, каждая «она» к какому-то моменту тоже «доходила».

Он держал Магду под руку, не глядя на неё, фраза эта вырвалась внезапно, услышав её, он удивился и обрадовался – слова прозвучали спокойно и уверенно.

Магда ему не ответила, продолжала шагать так же легко, размашисто, стук её каблучков перебивал уличный шум, тогда Антон повторил то же самое, чуть громче:

– Ты мне нравишься.

– Наверное, – произнесла она без всякого выражения.

Он остановился, развернул её к себе:

– И что же?

– А что ты хочешь знать?.. И зачем?.. Не надо. Нам сейчас направо.

Они шли в гости к её приятелям. По её словам, это была весьма интересная семья – два сына, муж с женой, все четверо работали в зоопарке. Они обожали своих подопечных и рассказывали о них всевозможные удивительные истории.

Антон ещё ни разу, ни в одной своей поездке в Германию, не был в частных домах, обычно встречался с нужными людьми где-то в кафе, в ресторанах.

Дом, где жили Штольцы, был обычным берлинским четырёхэтажным домом с маленьким палисадником. В подъезде висело объявление, Антон прочел:

«Уважаемые господа, мы хотим предупредить вас, что сегодня с восьми вечера и, возможно, до одиннадцати часов будет музыка, достаточно громкая, поскольку у нас будут гости. Приносим свои извинения».

И подпись – «Штольцы». И лестница, и коричневые дубовые двери, и коврики перед входом – всё было как в питерских ухоженных домах, и это было приятно Антону.

Магду встретили криками восторга, мальчики бросились обнимать её, вышел сам Иоганн Штольц, большой, мягкий, скорее даже пышный. Он потряс руку Антона, а Магду погладил по голове. Появилась Амалия, хозяйка, маленькая, худенькая, не выше своих мальчиков. И все они льнули к Магде, смотрели на неё счастливыми глазами. Антон уже привык, что Магду встречают с какой-то особой заботливой радостью. Стол был уже накрыт. Сели ужинать, выпили вина, настоящего, со слов Иоганна – «настоящий португальский портвейн». Вынесли фарфоровую миску со спаржей и мясо, Антон не понял – то ли птица, то ли баранина. Он гадал, дадут ли потом чай, чая не было, было мороженое. Квартира была обычной – невысокие потолки, простая мебель, книг мало, зато звуковые колонки, проигрыватели, кассеты – всякое музыкальное имущество.

Рассказывали про новости в зоопарке. Иоганн предупредил, что зоопарк – это не зверинец, в их зоопарке у зверей максимальная свобода, просторные вольеры. Напрасно бытует предубеждение: мол, в зоопарке звери находятся в неволе и страдают от этого. Ничего подобного, на природе вы не можете наблюдать и любоваться животным – как оно себя ведёт, как отдыхает, как играют они друг с другом. А в зоопарке у них много своих преимуществ: розовые фламинго гуляют по всей территории свободно, повсюду резвятся обезьяны разных пород.

Иоганн был особенно привязан к волкам, с ними, оказывается, можно было подружиться.

На шкафу и на буфете были расставлены чучела енотов, кротов, бобров.

Зоопарк даёт возможность видеть зверей рядом, любоваться их повадками, грацией. Можно наблюдать, как они играют, едят. Детей не оторвать от этих зрелищ. Зоосад сближает нас с животным миром, недоступным на свободе...

Штольц был убеждён, что зоопарки возвращают нам природу, это гуманные учреждения, необходимые и добрые, в них ведь, в сущности, не только ухаживают за животными, но и сохраняют редкие их виды.

За обедом Амалия приглядывалась к Антону, следила за ним и за Магдой, пытаясь угадать, что у них за отношения. Беспокоилась, очевидно, за Магду, время от времени Антон

встречал взгляд её ярко-чёрных глаз, она испытующе прослеживала, как он подавал Магде соус, как она касалась его руки. Потом как будто убедилась в том, что Магда ему нравится. И успокоилась.

Неужели это так заметно, спросил себя Антон, нет, это, наверное, чисто женское чутьё. Почему-то он боялся обнаружить своё чувство. Или, может быть, ещё сам не уверился в нём. Хозяин Иоганн – человек, судя по всему, добряк. Бывают такие счастливые люди, у которых сразу заметна их доброта. Он рассказывал про то, как семейство волков узнаёт его, и волки, и волчата, чем они отличаются от собак, какая у них семейная жизнь. У них, например, есть дядя, холостяк, который сварлив, неуживчив, дядя этот доставляет семье много хлопот, но почему-то они терпеливо возятся с ним. Родители-волки помогали Иоганну лечить волчат. Звери часто привечали его как ветеринара. А у мальчиков любимцами были бобры, они помогали бобрам строить плотину, в парке были созданы условия для того, чтобы бобры могли заниматься своей работой.

После обеда перешли в гостиную, там устроили концерт. Семья составила квартет: Амалия села за фортепиано, мальчики взяли скрипки, Иоганн играл на виолончели, за младшего Иоганн извинился, он играл на альте и у него ещё не очень получалось.

Играли Моцарта, его ранние вещи, Моцарт для Антона был сродни Пушкину, оба были примерами абсолютных гениев. Что есть абсолютный гений? Антон считал, что у Пушкина всё совершенно – всё, что он писал, даже письма его были совершенны и по форме, и по краткости. У Моцарта то же самое, недаром он писал свои сочинения набело, у него почти не было черновиков. Музыковеды и литературоведы были убеждены, что им обоим диктовали свыше и стихи, и музыку, других объяснений они не признавали.

Эти двое и для Антона были божественным явлением, запредельным, неподвластным законам науки. Ему хотелось, чтобы в этой жизни всё-таки оставалось место чуду, хотелось видеть весь мир, всю природу, её устройство, её красоту, её мудрость не как работу эволюции. Сколько бы человек ни старался, ничего подобного божьей коровке он не мог создать. За пятнадцать лет работы электроаппаратура становилась всё совершеннее, имела дело уже с огромными напряжениями, и всё равно ей было далеко до природных явлений. Ни в каких лабораториях невозможно было получить молнию длиной в несколько километров. И та же музыка, которую он сейчас слушал, этот Моцарт в корявом исполнении, где скрипки, и особенно альт, ковыляли, по-детски спотыкаясь, музыка всё равно была божественной. Этот домашний концерт открыл ему иные радости домашней жизни. За весь вечер никаких разговоров о политике, об экономике, о ценах, о правительственных событиях – здесь существовал мир отдельный, достаточный, не имеющий отношения к миру газет, телевидения и всего того, что обычно волновало окружение Антона.

Амалия благодарила его за посещение, он чувствовал, что она по-настоящему рада, что он побывал у них, и понимала, что её дом понравился. Она на прощание как-то по-особенному, радостно, поцеловала Магду.

– Хорошо живут, – вырвалось у него.

– Кто вам мешает жить так же? – сказала Магда.

Конечно, никто, если не считать последствий войны, последствий культа и прочих последствий.

У входа в ресторан сидела девушка с аккордеоном, она пела русский романс «Я ехала домой, я думала про вас». Пела хорошо, шум улицы заглушал её слабый голос. Они постояли, дослушали до конца, Антон положил деньги в кепку.

– Эмигрантка, – сказал Антон.

Магда вернулась к разговору. У немцев всё это было – и эмиграция, и культ, и даже руины. Антон согласился: да, было. Да, они избавились. Изживают нацизм, изжили культ. Восстановили города. Всё так. Их отрезвило поражение. Они поняли, что расизм не дал Германии

никакого превосходства. А ещё им помог очистить мозги Нюрнбергский процесс. Четыреста заседаний суда открыли перед миром немыслимые масштабы изуверства.

А Россия, победительница, сама должна была выкарабкиваться из своих заблуждений. И она это делает.

– Расскажи о себе, – попросила Магда, – я ведь ничего о тебе не знаю, расскажи о своей семье.

Ему казалось, что он уже рассказывал о том, что он освоился с преимуществами холостой жизни – летом, в отпуске, путешествует, у него есть компания друзей, школьных и институтских, жизнь проходит и быстро, и вроде без всяких событий, ничего существенного... Прошло уже четыре, нет, кажется, пять лет со дня отъезда жены, и он перестал вспоминать о ней.

– Послушай, Антон, а ты когда-нибудь писал или делал отчёт о проделанной жизни?

Его позабавил этот внезапный словесный оборот.

– Отчёт кому?

– Ну, не знаю, может быть, Всевышнему.

– Зачем Ему мой отчёт?

Она вдруг посерьёзнела:

– Потому что ты Его тварь, мы все Его создания – Божьи твари.

– Это ты серьёзно?

– Да, серьёзно. Ну хорошо, тогда я тебе скажу. У нас есть родственник, болгарин, он известный эмбриолог.

И она изложила его наблюдение. Нечто подобное он уже слышал от своей матери, врача. Эмбриолог много лет изучал, как созревает плод, и убедился, что существует момент, когда плод из комка плоти, или плазмы, переходит в иное состояние, становится человеком. Это именно момент, в этот момент в нём появляется душа, она далее созревает, зародыш в материнском чреве уже воспринимает всё, что происходит с матерью. Он уже человек. Но что есть момент одушевления зародыша, откуда является душа – оставалось тайной. Его учитель напомнил ему библейскую притчу о том, как Бог слепил из глины Адама и этот глиняный слепок одушевил. Вдохнул душу, именно вдохнул, это был момент появления человека. Человек появляется одномоментно. Для эмбриолога это было доказательством божественного происхождения человека.

– И для меня тоже, – сказала Магда.

Она произнесла это твёрдо:

– Иногда я ощущаю этот акт своего появления. Может быть, действительно каждый из нас появляется не случайно.

Это был интересный разговор, приоткрылся её внутренний мир. Другой мир, божественный, с чудесами, верой.

Немецкие физики не обнаружили свою ошибку. Они неправильно определили коэффициент поглощения того-то и того-то.

Это что – случайность или Божий дар? Ужас охватывал Антона, когда он представлял другой поворот истории.

Магду это мало занимало. Для него Судьба была чем-то сакральным, он верил, что счастливая судьба России – не случайность.

– Твой Шпеер, извини, отпетая сволочь.

– Это не он, – сказала Магда. – Это был всеобщий дурман.

– Если всеобщий, то зря его посадили и зря его дружков повесили.

– Неужели мы навсегда прокляты?

– Нет, я хочу тебе рассказать кое-что из другой жизни другого немца.

В холле гостиницы он повёл её в бар. Сели за столик, он заказал им виски.

– Хочу рассказать про Фукса, я встречался с Клаусом Фуксом.

– Кто это? – спросила Магда.

Антон поразился, как причудлива мирская слава. Забыт человек, который спасал Россию, и не только её.

Ещё в ГДР после долгих хлопот Антону разрешили свидание с Фуксом. Это было давно, Антон тогда увлекался историей создания атомного оружия советскими физиками. Всё было наглухо засекречено. Ведущие физики ходили с охраной. Антон помогал устанавливать в ГДР трансформаторы. За это немцы позволили ему встретиться с Фуксом. О Фуксе в России слышали только атомщики. Известно было, что выменяли его, заключённого, у англичан. Фукса поселили в Дрездене. В малом коттедже. Антона встретила крупная женщина, жена Фукса. Она хорошо говорила по-русски. Кажется, её звали Тереза. Сам Фукс оказался шуплым, хрупким, в больших очках, его лоб, высокий, как купол, возвышался над его смущённой физиономией.

Фукс предложил разговаривать не дома, лучше, мол, проехаться по окрестностям. Видимо, опасался прослушки. Они сели в машину, Фукс – за руль, Антон рядом.

Обыденность этого человека удивляла Антона. Ничего великого, никаких следов пережитого. Учитель, или ветеринар, или аптекарь.

Поехали к его знакомому сыровару, потом к виноделу. По дороге Фукс то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. Привычка его прежней жизни в Америке – не следует ли за ними хвост.

Он был сын известного немецкого теолога. Когда отца арестовало гестапо, Клаус перебрался в Англию, там окончил университет. Стал физиком-теоретиком. Профессия теоретика, она видна и в облике, и в речи. Работы Фукса привлекли внимание Роберта Оппенгеймера, руководителя Манхэттенского проекта в США. Он пригласил Фукса к себе в Лос-Аламос, самый секретный в то время город. Там несколько сот физиков, инженеров и техников, не щадя себя, создавали первую атомную бомбу. Шла война. Россия, Германия, США – три группы физиков-атомщиков соревновались в смертельной гонке.

Американцы не собирались делиться добытыми результатами со своими союзниками, английскими и русскими физиками. Почему – спрашивал себя Фукс – русские, они ведь несут главную тяжесть войны...

Магда поморщилась:

– Зачем ты это мне рассказываешь? Я не люблю американцев.

– Нет, слушай. В какой-то момент Фукс решил, что разрабатывать такое оружие тайком от русских – нечестно. Он связался с русским посольством. Впрочем, подробности, имена, даты он мне не приводил. Скорее всего, ему пришлось придумать свой тайный способ связи. Он не хотел приукрашивать свою историю опасностями, превращать её в приключенческую повесть. Рассказал советским органам, что делается, стал передавать им данные. Действовал один, безвозмездно. Контрразведка американцев не дремала... Супругов Розенберг – тех выследили, осудили, посадили на электрический стул за шпионаж. Фукса это не остановило.

Магда устало потянулась.

– Мне этих историй хватает в телевизоре.

– ...Для Клауса самое мучительное было то, что он предавал своего друга Оппенгеймера, – упрямо продолжал Антон. – Тот ведь за него поручился... Помог устроиться. Клаус рисковал жизнью и ставил под удар Оппен...

Магда заявила, что уходит к себе в номер.

– Как тебе не стыдно! Я, значит, должен дочитать твоего Шпеера, а ты...

– Сравнил.

– Вот именно, я хотел сравнить... Шпеер – нацист, сукин сын, а Фукс – это истинный подвиг таланта.

– Всё, я ухожу.

Повернулась и пошла к лифту.

За соседним столиком засмеялись. Там сидели двое мужчин и женщина. На столе стояли бутылки пива. Мужчины, улыбаясь Антону, подняли свои бокалы.

– Смешно? – спросил Антон. – Ничего смешного. Что вы знаете про Клауса Фукса? Ничего. А он четырнадцать лет отсидел. За то, что помог России. И хоть бы спасибо получил. Бесчувственные вы все, стыдно.

– Оставь нас, парень, – сказал молодой немец в модном серебристом пиджаке. – Соблюдай себя. Не нарывайся.

– Ему памятник надо поставить!

– Ну и ставь.

– Пьянь, – сказал другой, постарше, в очках.

– Что за народ, – возмутилась женщина. – Уходите.

– Нет, вы послушайте. Фукс спас Россию. Нам бы несдобровать. Как же можно так? И нам, и вам несдобровать.

Мужчины поднялись, взяли Антона под руки, потащили через холл к выходу.

– Иди-иди, мы заплатим, – успокоил его тот, кто постарше.

Они довели его до выхода, передали швейцарам, те вывели на улицу.

Утром перед работой Антон заехал в гостиницу. Магда не сразу открыла дверь. Она была в халатике.

– Прости меня, – сказал Антон.

Она впустила его, села в кресло, поджав босые ноги.

– Подвиг Фукса не давал мне покоя, – сказал Антон, – всё хотелось привести его в пример в противовес твоему Шпееру. Я думал, что тебе интересно сравнить...

– Нет, мне не интересно, – сказала Магда.

– Почему?

– С Фуксом мне всё ясно, как дважды два. Без проблем. Коммунист. Они фанаты.

– Мне со Шпеером тоже всё ясно – нацист.

– Да, тут мы расходимся.

– Ни за что! С какой стати! Чтобы из-за этой политики, да Фукс с ней, я тебе их всех уступаю.

Примирились, всё как будто уладилось, но какая-то трещинка осталась.

«Пишет она что-то о дяде, о Шпеере, вот и ладно, – думал он. – Это всегда поглощает. У человека должно быть что-то, кроме работы, кроме семьи, что-то своё, самое сокровенное, пища для души, у неё такое есть. И это стоит публиковать».

* * *

«Надо было хотя бы посочувствовать ей. Всё же он сухарь, давно заметил, что сухарь, и всё чаще бывает сухарём, продукт чёрствого, холодного постсоветского общества, у нас кончилось милосердие, началось обогащение. Технари».

Когда она рассказывала про того лейтенанта, она дотронулась до его руки, рука её была горячей, кажется, это её манера – касаться рукой собеседника. Ещё у неё привычка встряхивать головой, откидывая волосы так, чтобы видеть собеседника или чтобы он видел её, а потом волосы опять непослушно спадают, затеняя лицо.

Сказать бы ей: «Честно говоря, ведь неизвестно, какая бы ты получилась от другого отца, кто знает». Или так: «Я разучился роптать на судьбу, и тебе не советую, мы не знаем, кто ею ведает, мы верим только в то, что видим, а ведь существует другой – невидимый и неслышимый мир». Она, конечно, скажет, что у меня на всё есть теории, я не могу себе представить, каково быть навсегда связанным таким происхождением.

* * *

История атомной бомбы занимала их всех со студенческих лет. Тогда в Ленинград приехал Роберт Юнг, американский журналист, автор бестселлера «Ярче тысячи солнц», книги по истории атомной бомбы. Вышла она в русском переводе тиражом более ста тысяч экземпляров. Была мгновенно раскуплена. В Ленинграде с Юнгом устроили встречу. Антон пробился в зал университета на его лекцию, сидел на полу, мест не было. Юнг рассказывал подробности об американских, немецких и советских физиках. Тогда впервые прозвучали фамилии осведомителей, а проще – агентов – Розенберг и Клаус Фукс. После лекции Антон с приятелями уговорили Юнга зайти в ресторан и там допоздна расспрашивали его. Юнг даже надписал Антону на память свою книгу. Юнг рассказывал про физиков трёх стран, как они по-разному относились к своей работе, как отзывалась на это их совесть, про их страхи и сомнения. Антона поразила история физика Ханса Бете. Этого великого учёного выгнали из немецкого университета, поскольку мать его была еврейкой, это было не удивительно, другое запомнилось Антону – то, как Бете предложили участвовать в создании термоядерной бомбы, и как он не согласился. Было и лестно участвовать в этой работе, и ужасно. Потом не вытерпел, согласился, потом опять отказался. Так было несколько раз. Это была схватка любознательности учёного с совестью. Редкая в войну в том расколотом мире. Бете – талантливый физик. Его одни уговаривают участвовать в работах по бомбе, другие отговаривают. Он ездит советоваться к приятелям. «На Бете не действуют денежные соблазны», – пишет Юнг. Привлекает работа вместе с Ферми, Гаммовым. «И всё же Ханс колеблется» (Юнг).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.